

О БУРИАНЕ И ЕГО ТЕАТРЕ

создавая образ главного героя всерьез, памятуя о словах Гашека, сказанных им в предисловии к своему произ-

ведению: «В наше время вы можете встретить на пражских улицах бедно одетого человека, который и сам не подозревает, каково его значение в истории новой, великой эпохи... Если бы вы спросили, как его фамилия, он ответил бы просто и скромно «Швейк»».

Бурриану и руководимому им театру вообще свойственно тяготение к народному лубку, к площадным представлениям, и это тяготение мы отчетливо ощутили в другом спектакле — «На ярмарке». Мы увидели обработку пьесы, написанной неизвестным автором в девятнадцатом веке, перед нами открылось представление веселое, задорное, театр в театре, полный балаганских аттракционов, чудесных превращений, в котором танцуют балерины и прыгают акробаты, в котором вам дается богатая возможность лицезреть турецкого султана и английского короля, подлого генерала Минца и искусного мастера Гонзичка. В уста Гонзички вложены и слова, которые могут, в сущности, быть моралью этого представления: на жизнь надо зарабатывать своим трудом, честно...

Совсем в другом ключе решена другая сказка, написанная знаменитым чешским поэтом Виктором Дыком — «Крысолов». Так же, как и «Вера Лукашева», так же, как и «Опера нищих», этот спектакль родился в тяжелые годы борьбы чехословацких коммунистов против надвигающегося на страну фашистского удущья. И сейчас, в наши дни, «Крысолов» смотрится с исключительным интересом.

В этой заметке я не успел сказать о всех мастерах этого театрального коллектива, не успел, да и нет места — иначе нельзя было бы не отметить и Откара Броусека, и Зузана Кочеву, и Виолу Зинкову, и Фердинанда Крута, и Карела Линца, и Станислава Фишера, и Ружену Похову, и Феликса Ле Бре, и Богумила Кржижека, и Марту Кучиркову, и Йозефа Козака, и Либушу Волкову, и Антонию Трнавского, и многих-многих других. Чувство ансамбля, присущее им, умение слить свои индивидуальные качества в едином ритме спектакля, богатство актерской палитры — все эти драгоценные качества театра Д-34 сделали его гастролью в Москве примечательным событием нашего театрального сезона, нашей театральной весны. Очень жаль, что московский зритель не смог ознакомиться и с другими работами этого театра, работами, в которых решаются или ставятся жгучие, актуальные проблемы сегодняшней жизни планеты.

Но ведь эта наша добрая и плодотворная встреча — не последняя...

Александр ШТЕЙН.

немилосердно резались цензурой, а то и вовсе запрещались.

«Невинная» пьеса Б. Брехта «Опера нищих» была решена театром и воспринималась зрителями, как протест против морали буржуазии, как дерзкая насмешка над растленными нравами, при которых гангстер и шериф связаны неразрывными узами. Бурриан меняет финал пьесы в соответствии с горькой правдой жизни — гангстер, убийца помилован в честь коронации королевы! Введенный в действие новый персонаж — уличный певец — смело вмешивается в действие пьесы, издеваясь над условностью, лицемерием и фарисейством капиталистического общества, где невозможно истинное правосудие, где живут по законам волчьей стаи. Таким же смелым вызовом существующему строю был и другой спектакль, поставленный Буррианом — инсценировка любимого нашим читателем великого романа Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка».

В марте 1941 года театр Д-34 был закрыт окончательно оккупационными властями. Эмиль Бурриан, борец-антифашист, был заключен в концентрационный лагерь. Страдания и лишения не сломили этого замечательного человека. Здесь он сблизился с другими революционерами, с русскими товарищами. В концлагере он просидел до конца войны. Его освободила Советская Армия. Он вышел из страшной тюрьмы физически истощенным, ослабевшим, но полным воли, энергии и желания строить новую культуру новой Чехословакии. Вскоре на улицах Праги вновь застрелили афиши возрожденного театра Д-34. Снова душа его — Бурриан, а Бурриан — это значит поиск, мечта, дерзание. Театр ищет, театр экспериментирует, театр хочет идти вперед.

Второе место на афише после произведений национальных заняли русские классики, пьесы советских драматургов.

В Москву театр привез «Швейка», «Оперу нищих», «На ярмарке», «Крысолова» и комедию чешского писателя-просветителя первой половины девятнадцатого столетия Вацлава Климента Клицпера — «Каждому по заслугам». На закрытом, дискуссионном просмотре театр показал спектакль «Евгений Онегин» по мотивам гениального пушкинского произведения и «Веру Лукашеву».

С иными сценическими решениями можно было спорить, иные вызвали оживленные дискуссии зрителей в кулуарах и после спектаклей, но работы театра всегда были талантливы, самобытны, оригинальны. Вызвала, напри-

мер, оживленную дискуссию «Вера Лукашева». Может ли театр инсценировать произведение с таким медленно развивающимся действием, с таким небольшим количеством лиц — героиня иногда остается на сцене одна, совсем одна и довольно долгое сценическое время!

Но я видел «Веру Лукашеву» в Праге, там это один из наиболее посещаемых спектаклей. Это тонкое, поэтическое произведение, своеобразное стихотворение для сцены, повествующее о судьбе наивной, полной детского очарования девочки-подростка, только что вступающей в жизнь. Алена Крейцманнова — Вера Лукашева — это воплощение чистого, прекрасного, нежного, это романтическое представление о жизни, где каждая прозаическая вещь облекается в поэтические одежды. Веру Лукашеву и ее мечтания подстерегает мерзкая грязь старых пережитков. Героиня прошла через трудные испытания и сохранила свежесть ума и чистоту восприятия, она ощутила руку и локоть друга, мальчишка Ярки, вместе с ним она пошла вперед, навстречу веку...

Как жаль, что здесь, у нас, в Москве, многое утратилось в очаровании спектакля из-за того, что в переводе через наушники своеобразие этой театральной поэмы, оттенки сценической речи, интонации ее зачастую пропадали для зрителя.

Однако, «языковые» преграды не помешали нашему московскому зрителю ощутить и оценить прелесть постановок театра Д-34. То и дело взрывался смехом зрительный зал на премьере «Бравого солдата Швейка». Франтишек Голар играет этот любимый образ по-своему: перед нами внешне невозмутимый, добродушный человек, всерьез говорящий самые невероятные вещи, человек, которого любят простые люди и не выносят холун австро-венгерской монархии.

Швейк — Голар — это человек умный, если хотите, мудрый, в каждом его слове — здравый смысл простого человека, в аспекте которого кажутся нелепыми и уродливыми общепринятые нормы, установления и законы австро-венгерской империи. И, ощущая всем своим существом дичь и глупость этих норм и установлений, кричит Швейк: «Как это будет здорово, если мы умрем за государя-императора, если нас разорвет на куски!».

В преувеличении, в гиперболе, доведенной до абсурда, одновременно и оружие Швейка и его щит. Театр Д-34, инсценировщик романа Эмиль Бурриан решил спектакль в согласии с этим авторским замыслом, взяв на вооружение и иронию, и гротеск, и народный лубок,